

Victoria Zapounidi

Выбор

Сила активного
воображения

18+

18+

Виктория Запуниди

**Выбор - сила активного
воображения**

«Автор»

2026

Запуниди В.

Выбор - сила активного воображения / В. Запуниди — «Автор», 2026

В мире, где страх смерти превратился в инструмент управления, а живое воображение всё чаще уступает место фантазии, человек рискует утратить внутреннюю опору и оказаться в роли бессильной жертвы. Эта книга о воображении, о преодолении нигилизма, пробуждении внутреннего света. О главном экзистенциальном прорыве — переходе от человека-жертвы к человеку-творцу, способному осознанно выбирать свой путь и становиться автором собственной жизни.

© Запуниди В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктория Запуниди

Выбор - сила активного воображения

Глава

Выбор

Сила активного воображения

Виктория Запуниди

Copyright © 2026

Все права защищены.

ISBN 978 601 7716 00 4

Я посвящаю эту книгу моей маме, которая научила меня тому, что у человека две жизни, и вторая начинается тогда, когда он понимает, что жизнь у него только одна.

Хочу выразить глубокую благодарность моим преподавателям за вдохновение, поддержку и бесценное наставничество. А также моей семье, любимому мужу, детям, друзьям и ученикам. Каждый из вас внёс вклад в этот путь и оставил в этой книге свой особый и неизгладимый след.

Кто виноват?

С момента нашего рождения начинается наш путь к смерти. И единственное, чем мы можем наполнить этот путь — это активное воображение. Как человеку пробиться сквозь оболочку рационализма и преодолеть нигилизм? Как войти в пространство и время активного воображения, чтобы наполнить свой путь к смерти светом и творчеством?

В современном мире активное воображение часто смешивают с фантазией, которая не способна заполнить пустоту. Но природа не терпит пустоты. И если человек сам не наполняет свой путь светом, чужие, тёмные «хочу» постепенно становятся его собственными «должен».

Современный мир всё больше напоминает антиутопию, описанную Джорджем Оруэллом в романе «1984». Именно поэтому возвращение к свету становится сегодня необходимостью. Зло всегда присутствовало в истории человечества. Всегда были войны, катастрофы и разрушения. Однако никогда прежде последствия человеческой деятельности не достигали столь драматического и планетарного масштаба. А с развитием искусственного интеллекта наши представления о нравственности стали меняться особенно стремительно.

Пришло время освободить свет из телесной темницы, но сделать это ещё при жизни. Тогда вопрос о том, как Творец всё это допускает, перестанет служить оправданием нашей пассивности. Человек перестанет уповать на предначертанную судьбу, обвинять других в происходящем и возьмёт на себя ответственность за собственную жизнь.

Я предполагаю, что ответ на этот вопрос, как и возможность спасения человечества и планеты, связан с одним переходом: **от человека-жертвы к человеку-творцу**.

Главная цель этой книги заключается в том, чтобы понять, возможен ли такой переход посредством активного воображения. Для этого мы рассмотрим его структуры и логику и определим, каким образом воображение связано с выбором, ответственностью, созиданием и преобразованием мира.

Что мы знаем о воображении?

Mundus Imaginalis представляет собой понятие, предложенное французским философом и востоковедом Анри Корбеном для обозначения промежуточного мира между чувственно воспринимаемым и духовным.

Человек воспринимает этот мир не только через органы чувств, но и посредством воображения, которое становится связующим звеном между материальным миром и высшими духовными реальностями.

В восточной теософии, особенно в суфийской традиции, этот мир нередко называют «восьмым климатом», или Na-KoJa-Abad, что буквально означает «страна Нигде».

Но это Нигде не утопия. **Для восприятия этого мира необходима особая сила воображения, познавательная ценность которой столь же реальна, как ценность чувственного восприятия или интеллектуальной интуиции.** Поэтому её нельзя смешивать с тем, что современное сознание привыкло считать «фантазией».

Жильбер Дюран, французский антрополог и исследователь мифов и символов, считал, что этот мир включает в себе бесчисленное множество архетипов и что всё, обретающее воплощение в материальном мире, определяется ими. Миф для Дюрана не вымысел, а упорядоченная система архетипов и символов, в которой проявляются фундаментальные структуры воображения. В таком понимании историю нельзя считать основанием мифа. Скорее, сама история оказывается одним из способов проявления мифологических структур, и потому её логику следует постигать, исходя из мифа. **Мир активного воображения реальнее мира материального.**

Кому это доступно?

Каждый человек способен выбирать, чем наполнить свой путь к смерти. Но, к сожалению, доступ к этому миру открыт всем, и добрым, и злым людям. Когда политические, религиозные лидеры и финансовые элиты используют эту возможность ради собственных целей, они навязывают другим людям свои «хочу», превращая их в чужие «должен». Если человеком движут жажда крови и алчность, сила активного воображения и архетипов обращается уже не к созиданию, а к разрушению человека и мира.

Согласно профессору университета имени Аристотеля Салоник Панайотису Дойкосу, исследовавшему наследие Анри Корбена, **всё существующее в нашем мире приходит из мира воображения.** Он полагает, что отношения власти между людьми могут принимать две формы. Один человек либо приближается к другому в свете совместного восхождения, либо нападает на него во тьме навязывания своей воли. Активное воображение представляет собой пространство и время, в котором бесконечный спектр смыслов обретает чувственно воспринимаемые формы. Ни одно проявление власти, созидательное или разрушительное, не может осуществиться во внешней реальности, если прежде оно не обрело форму в этом пространстве и времени.

Каждый человек способен войти в этот мир, встретиться со своим Светом в пространстве и времени активного воображения и среди бесчисленных архетипов и мифов избрать ту материальную реальность, которую он воплотит. **Получив доступ к этому миру, человек перестаёт быть жертвой.** Здесь он может стать творцом, соприкоснуться с бесконечным, как, например, композитор Микис Теодоракис. Но каждый делает это по-своему и в доступной ему мере, создавая «личные отношения со Вселенной в опыте духовного творчества».

Микис Теодоракис был не только композитором, но и философом. Он создал собственную теорию Вселенской гармонии, согласно которой всё в мире, от движения небесных тел до внутренней жизни человека, подчинено единому ритму, а музыка позволяет нам эту гармонию услышать.

Мир воображения

Человек привык верить в то, что видит, слышит, к чему может прикоснуться. Но есть вещи, которые выходят за пределы нашего непосредственного восприятия. Я понимаю, что принять эту мысль непросто, но хочу попросить вас на время отложить скептицизм и представить, что мир воображения, которого мы не видим своими глазами, действительно существует. **Более того, именно он определяет нашу реальность. Всё, что человек создает, сначала возникает в воображении.**

На протяжении всей истории человечества философы пытались понять, как устроен этот невидимый мир и по каким законам он существует. Я хочу представить вам свое видение структуры и логики воображения.

Теоретическая часть работы вынесена в заключительный раздел книги, чтобы не перегружать основное изложение специализированной терминологией и концептуальными пояснениями. При необходимости к этому разделу можно обратиться предварительно или в процессе чтения, а затем вернуться к основной части.

Философия Жильбера Дюрана во многом опиралась на наследие Анри Корбена и Сухраварди. Последователи обоих философов не раз сопоставляли их концепции, обнаруживая между ними целый ряд параллелей. Но чем глубже я погружалась в труды этих мыслителей, тем яснее понимала, что их идеи не следует просто сопоставлять, сводя всё к перечню сходств и различий. Я предлагаю взглянуть на созданные ими понятия и идеи как на **единую вселенную**, расположив их при этом на разных уровнях.

Сухраварди (1154–1191) — персидский философ, представлявший реальность как несколько уровней бытия. Он считал, что каждому из трёх миров соответствует свой способ восприятия: Джабарут постигается интеллектуальной интуицией, Малакут — интуицией воображения, а Мульк — чувственным опытом, посредством пяти внешних чувств.

Все три режима воображения Дюрана относятся к области Малакута (Mundus Imaginalis), поскольку принадлежат пространству мифа. Дюран называет дневной режим вертикальным, а два ночных горизонтальными. Однако это различие само по себе ещё не означает, что один режим положителен, а другой отрицателен. На мой взгляд, их качество определяется тем, насколько близко они находятся к внутреннему свету человека. При этом вертикальность дневного режима Дюрана не следует отождествлять с вертикальным движением к внутреннему свету у Корбена. Все три режима Дюрана способны двигаться по отношению к этому свету. Приближаясь к нему, они обретают созидательный характер. Удаляясь от него, уходя к периферии и во тьму, они искажаются и мутируют.

Образно это можно представить как три вихря, дневной *diurne*, ночной синтетический *nocturne synthétique* и ночной мистический *nocturne mystique*. Все они вращаются вокруг оси света, внутреннего света Корбена.

Удаляясь от света, эти вихри сметают и разрушают всё на своём пути.

Но, приближаясь к нему, они превращаются в галактические центры созидательного хаоса и начинают творить.

Удаление от света ведёт к разрушению.

Приближение к свету ведёт к творчеству.

Мутации в мире воображения

Чем дальше три режима Жильбера Дюрана отходят от внутреннего света, тем сильнее они мутируют и искажаются. В наше время это удаление, по-видимому, приближается к своей крайней точке. Мы с головокружительной скоростью движемся к краю.

Квантовая физика признаёт связь между наблюдателем и объектом. Пока объект не наблюдается, он пребывает в состоянии суперпозиции. Невозможно определить, в каком именно состоянии или положении он находится, до самого момента наблюдения. Мир воображения одновременно создаёт и наблюдателя, и кота.

Кот Шрёдингера – мысленный эксперимент: кот в закрытой коробке считается одновременно живым и мёртвым, пока коробку не откроют и не узнают результат. Так иллюстрируется принцип квантовой суперпозиции.

Но когда наблюдатель удаляется от света, в действие вступает то, что мы называем «судьбой». В действительности же этой судьбой становятся чужие «хочу», превратившиеся в наши собственные «должен».

Так человек становится своего рода поведенческим двойником голубя Скиннера. Он начинает верить в судьбу и тем самым освобождает себя от ответственности. Тогда его внутренний свет легко подменить внешним светом или даже тьмой, которую навязывают другие люди, обращая активное воображение во зло.

Скиннер помещал голодных голубей в клетку, где еда появлялась через определённые промежутки времени независимо от поведения птицы. Голуби начинали повторять движения, которые случайно совершали перед получением еды, например, кружиться или кивать головой. Скиннер интерпретировал это как возникновение «суеверного» поведения.

На мой взгляд, здесь можно выделить три основных уровня, которые развиваются в двух направлениях.

Вертикальное движение к внутреннему свету

Визионерское воображение и визионерский опыт.

Активное воображение и творчество.

Горизонтальное движение от внутреннего света к периферии

Активное воображение и разрушение.

Вертикальное движение представляет собой возвращение к самому себе. Человек движется от периферии и внешнего мира во внутренний, сквозь мерцающую тьму к внутреннему свету, к своему световому двойнику, к рождению Творца внутри себя.

Визионеров, тех, кому дано пережить подобный опыт, очень мало. Они сливаются со светом, растворяются в нём. Но не исчезают. Исчезновение в свете означало бы то безумие, о котором так любят говорить рационалисты и противники метафизики. Здесь речь идёт о другом растворении, об инициации. Параллельные миры становятся доступными визионеру и входят в его реальность.

Опыт визионеров, с одной стороны, свидетельствует о существовании того, чего мы не способны увидеть обычным зрением. С другой стороны, именно этот опыт даёт рационалистам повод объявлять происходящее вымыслом. При этом визионерское воображение смешивают с активным воображением, которое, в отличие от первого, доступно каждому человеку.

Теперь обратимся к тому, что представляет собой вертикальное движение посредством активного воображения. Соединяясь со своим внутренним светом, со своим внутренним двойником, человек перестаёт воспринимать тело как преграду, как темницу души. Ещё при жизни тело становится для него храмом души. После инициации душа должна вновь вернуться к периферии, снова встретиться с тьмой, но теперь уже не бояться её.

Такой человек осознаёт, что судьбы нет. Он сам несёт ответственность за свою жизнь. Его вечность заключается в творении. Он сам решает, чем наполнить свой путь до смерти тела. Он вернулся к свету, соединился с ним, растворился в нём. Он есть свет. А свет вечен.

Скептик может возразить. Если это так, зачем человеку тело? Но природа света заключается в творении. Тело уже не является для человека той преградой, какой было прежде. Свет освобождён ещё при жизни тела. Само же тело становится средством, благодаря которому формы *Mundus Imaginalis* обретают воплощение в нашем мире.

Это не сказка и не фантазия. Это то, что мы видим ежедневно, начиная с бутылки воды на нашем столе и заканчивая мирными переговорами между государствами.

Но существует и другое движение, горизонтальное. Это движение от самого себя вовне, прочь от внутреннего света. Именно оно приводит к мутации режимов воображения. Его проявлениями становятся равнодушие, трусость, разрушительные научные открытия, расизм, загрязнение окружающей среды, конфликты, убийства и войны.

В политике происходит то, о чём Панайотис Дойкос пишет в своей книге о политическом воображении. «Обладающие политической властью решаются на зло и совершают его, когда в своей гордыне отступают перед смертью. Их власть наступает во тьме навязывания и препятствует отношениям, ведущим прочь от саморазрушения, предпочитая бесплодный эгоизм борьбе за совместное восхождение».

Страх смерти

На мой взгляд, коллективное бессознательное мутирует, когда, оказавшись вдали от внутреннего света, оно оказывается полностью поглощено страхом смерти. Вблизи света человек способен сознательно выбирать из архетипической основы. Но, отделившись от света, он становится лишь рефлексом смерти. Он подобен утопающему, который в попытке спастись топит всех вокруг, судорожно цепляется за других, карабкается по ним, встаёт им на головы.

О каком творчестве можно говорить в таком состоянии? Как такой человек способен создавать и отдавать?

И всё же у него остаётся выбор. А значит, остаётся ответственность.

Удаляясь от света, человек оказывается во власти страха смерти. Тогда другие получают возможность использовать этот страх, подменить ему свет, манипулировать им, направить его к разрушению.

Приближаясь к свету, человек понимает, что свет вечен. Соединяясь с ним, он сам общается к вечности. Он возвращается к периферии, но страх смерти больше не парализует его. Теперь он делает осознанный выбор и принимает за него ответственность.

Как человек приходит к свету?

В прошлом одним из путей было почитание смерти. Людей не парализовал страх собственного конца, осознание смертности тела. И сегодня народы, в культуре которых сохраняется особое отношение к смерти, тибетцы, индийцы, индейские народы Амазонии, находятся, на мой взгляд, ближе к свету.

В современном западном мире, напротив, смерть всё больше превращается в табу. Кончина человека вызывает тревогу и страх перед тайной. Тело стараются как можно скорее убрать, отправить в морг или похоронное бюро. Время траура становится всё короче.

Но невозможно прийти к свету, не встретившись с тьмой. «*Dasein* скрывает от самого себя своё бытие к смерти». В результате публичное упоминание смерти и всего, что с ней связано, начинает восприниматься как нечто непристойное.

Мы боимся того, чего не знаем. Подобный механизм можно увидеть, например, в расизме. Страх направляется на людей, которые кажутся «другими», имеют иной цвет кожи, культуру, религию или язык. Именно потому, что они отличаются от «нас», на них легко проецируются собственные страхи и заранее сформированные представления.

Так же действует и страх смерти. Смерть остаётся тем, чего большинство людей не способны ни постичь, ни контролировать. Мы не знаем наверняка, что происходит после неё. Незнание рождает тревогу и страх.

А человеком, который боится, легко управлять.

Когда человек сталкивается с тяжёлой болезнью, он внезапно осознаёт смертность собственного тела и начинает искать вечный свет, стремясь соединиться с ним. Именно поэтому даже неверующий человек, столкнувшись с угрозой смерти близкого, порой начинает молиться и верить. Для него самого и для его близких это становится своего рода внутренней эсхатологией, переживанием «смерти», которое открывает возможность жить осознанно.

Скептики могут возразить. Разве в таком случае не сам страх смерти приводит человека к свету? Может быть, именно страх смерти, а не освобождение от него ведёт к осознанию?

Но здесь мы имеем дело скорее с шоковой терапией. Представим человека, который боится людей другой национальности. Неожиданно он оказывается с ними в одной комнате. Прежде он никогда не пытался узнать их культуру, но теперь вынужден вступить с ними в непосредственный контакт. Сначала он испытывает ужас, однако выбора у него нет. Постепенно он обнаруживает, что эти люди вовсе не опасны, а общение с ними открывает перед ним новые горизонты.

Нечто подобное произошло во время пандемии. Страх смерти наложился на нехватку пространства и избыток времени. Для многих людей это стало возвращением к внутреннему свету и началом творчества. «Колесо» вынужденно остановилось, и у «белок», бесконечно бежавших внутри него, впервые появилась возможность оглядеться и увидеть пространство за его пределами.

Свет на время оказывается заключённым в телесную темницу, а затем возвращается к своей «основе». Но может ли душа бояться возвращения к свободе, если тело для неё тюрьма? Нет. А значит, такой человек бессознательно будет двигаться по пути разрушения собственного тела и окружающего мира.

И наоборот, может ли душа тосковать по телу, если оно стало для неё храмом, и страшиться разлуки с ним, потому что именно тело позволяет ей воплощать формы её мира? Да. Такой человек будет творить. Он будет беречь своё тело, окружающий мир и планету.

Я полагаю, что мутация и искажение режимов происходят следующим образом.

Чем ближе дневной режим находится к внутреннему свету, тем более созидательным он становится. Именно здесь человек из потенциальной жертвы смерти превращается в творца жизни.

Большинство людей склонны искать причины происходящего с ними вне самих себя, в обществе, в других людях. Виноваты Творец, президент, министры, чиновники, богатые, родители, дети, предки, смерть, кто угодно, только не сам человек.

Удел жертвы состоит в наказании и подчинении.

Позиция героического мифа иная. Человек должен стать автором событий собственной жизни. В этом и заключается смысл героизма. Автор не парализован смертью. Он творит. Он любит. Совершает открытия во благо человечества. Пишет книги. Сажает леса. Передаёт ценности своим детям.

И это становится возможным лишь тогда, когда наш «вихрь» движется к внутреннему свету.

Дневной режим основан на разделении. Но для того, чтобы разделять, необходимо прежде научиться различать свет и тьму, добро и зло. Когда человек удаляется от света, метафизическое знание начинает казаться ему ненужным и даже вредным. А сегодня оно стало ещё и невыгодным.

Сам по себе рационализм не несёт в себе зла. Но его искажение ведёт к нигилизму. Радикальный позитивизм в конечном счёте становится радикальным негативизмом. Так же и позитивный нигилизм, оставляющий место для «ничто» не как абсолютного отсутствия, а как пространства для «иного», мутирует в нигилизм отрицания. Постправда, постдемократия, постинформация. Всё это искажения дневного режима.

Подмена света

Мутация режима проявляется прежде всего в незаметной подмене света.

Люди сражаются со смертью во имя света и добра. Но этот свет чрезвычайно легко подменить, потому что он находится вовне. Именно это происходит сегодня. Люди ведут войны, убивают друг друга, разрушают города и страны, продолжая при этом находиться во власти героического мифа.

Человека, готового со всем сражаться, очень легко направить туда, куда нужно. Достаточно солгать ему, сказав, что вот это свет, а это тьма.

Перед нами по-прежнему вертикальное движение, основанное на рефлексе противостояния. Но поскольку оно совершается вдали от подлинного внутреннего света, происходит подмена цели. И движение, которое должно было вести к творению, начинает вести к разрушению.

«Война есть мир. Свобода есть рабство. Незнание есть сила».

Как и в романе Джорджа Оруэлла «1984», смерть превращается в инструмент власти. Партия использует страх смерти, чтобы сохранять контроль над населением. Любое сопротивление жестоко подавляется, а неудобные люди «исчезают».

Место сакрального занимают культ личности и партийная идеология. Партия стремится сама стать сакральным центром человеческой жизни, подчиняя себе мысли и убеждения людей. Духовное измерение подавляется ради сохранения абсолютной власти. Главный герой становится жертвой идеологии.

Идеологический контроль во имя света и под угрозой смерти превращается в форму насилия, при которой человеческими жизнями жертвуют ради сохранения власти. пытки и идея неотвратимой судьбы становятся средствами принуждения к покорности.

Те, кто подменяет свет ложью, пользуются тем, что большинство людей отчуждено от собственной природы. Они сознательно культивируют и усиливают чувство стыда, превращая его в инструмент контроля. Пока человек действует внутри установленных ими границ, обществом легче управлять и проще достигать поставленных целей. То же самое произошло с мифом и воображением. Их объявили сказкой и фантазией.

Сам выбор сегодня представляется чем-то опасным. Человеку внушают, что выбора у него нет, есть только судьба. Впрочем, самому человеку это тоже удобно. Если всё предопределено, ему больше не нужно отвечать за собственные решения.

И всё же исследования физиологов и философов свидетельствуют, что **способность выбирать заложена в самой нашей природе.**

Ночной мистический режим даёт миру визионеров, живое свидетельство существования восьмого климата и пример силы визионерского воображения. В мистическом режиме смерть воспринимается через примирение и сближение. Но при мутации эта способность становится опасной.

Вдали от внутреннего света здесь рождается нигилизм. Возникает стремление бежать от реальности в наркотики, алкоголь, азартные игры, интернет-зависимость, тревоугодие, распушенность, бесконечную погоню за быстрым удовольствием. Человека всё меньше волнует будущее планеты.

Но самая жестокая подмена света происходит тогда, когда, чтобы человек не распознал обман, ему дают иллюзию, будто судьба находится в его собственных руках.

Самоубийство и эвтаназия также становятся, в моей концепции, проявлениями мутации ночного мистического режима, доведённого до крайней периферии.

Когда драматический, или синтетический, ночной режим приближается к свету, возникает творческая деятельность, то, что можно назвать «танцем со смертью». Творение рождается внутри пространства этого режима при максимально возможном приближении к внутреннему свету.

Мутация этого режима проявляется в развоплощении творческого процесса. Созидательная ночь внутреннего мира подменяется тьмой внешнего. Творческий подход уступает место механистическому, а таинство воображения превращается в технический процесс. Искусственный интеллект становится одним из примеров такого удаления от внутреннего света, способного привести к мутации и превратиться в симуляцию творчества.

Описание подобной мутации можно найти в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Творчество там считается опасным и ненужным, поскольку способно породить нестабильность и нарушить общественный порядок. Смерть лишена духовного смысла и сведена к естественному процессу. Общество поддерживает иллюзию счастья и стабильности при помощи наркотика «сома». Mundus Imaginalis оказывается подменён искусственным миром иллюзий, подавляющим сакральное измерение человеческой природы.

Духовный поиск подавляется. Творчество объявляется опасным. В этом мире творчество воспринимается как бунт против установленных норм. Поэзия и музыка, способные выражать самые глубокие чувства и мысли человека, почти полностью вытеснены. Произведения искусства и книги спрятаны в хранилищах, а их распространение запрещено, чтобы исключить их влияние на общество.

Главный герой, выросший за пределами этого мира, сохраняет связь со светом. Его переживания и размышления вступают в противоречие с поверхностным счастьем «цивилизованных» людей и обнаруживают пропасть между подлинными человеческими чувствами и искусственно созданным миром стабильности.

Драматический ночной режим представляет собой пространство вечного возвращения дервиша на родину. Чтобы соединиться со светом, необходимо пройти сквозь сверкающую тьму. Но эта тьма не является воплощением зла. Это путь, позволяющий увидеть внутренний свет. **Именно в пространстве этого режима, при максимально возможном приближении к внутреннему свету, человек творит. Он совершает открытия, пишет картины, создаёт стихи и музыку.**

Жертва или творец?

Пчеловод существует за пределами реальности, доступной пониманию пчелы. Для неё мёд просто время от времени исчезает. Подобно пчеле, человек постоянно сталкивается с явлениями, причин которых не способен понять, поскольку его восприятие ограничено. Есть то, чего мы не можем увидеть глазами, ощутить обонянием или услышать ушами. Но существует иной орган восприятия. Он доступен каждому человеку, хотя степень и качество этого доступа различны.

Изучив труды Сухраварди, Анри Корбена, Жильбера Дюрана и Панайотиса Дойкоса, я пришла к выводу, что осознание нашей связи с бесконечным позволяет человеку преодолеть парализующий страх смерти. Именно этот страх порождает потребительское и разрушительное отношение к другим людям, природе, планете и даже к собственному телу.

Преодолевая страх смерти, человек посредством активного воображения становится творцом собственной жизни и принимает ответственность за свои поступки.

Его тело перестаёт быть темницей и становится храмом души, позволяющим её свету освободиться ещё при жизни. Теперь человеком движет уже не желание успеть захватить как можно больше на своём пути, а стремление отдавать, наполнять, делать лучше, созидать, оставлять после себя.

Этот вывод привёл меня к мысли, что под властью страха смерти человек освобождает себя от ответственности, перекладывая её на predetermined судьбу и объявляя Всевышнего трансцендентным.

Но творец имманентно присутствует в человеке. Возвращение к свету и осознание единства со Всевышним возлагают на человека ответственность. Ему предстоит вновь вернуться

к периферии и встретиться с тьмой, но уже в новом качестве. Он возвращается как человек, осознавший, что жизнь не является линейным потоком времени, следующим заранее написанному сценарию судьбы. У него всегда остаётся выбор, чем наполнить свой путь к смерти. Тимшел. **А там, где есть выбор, есть и ответственность.**

«Тимшел» – это слово встречается в Библии, в истории Каина и Авеля. Широкую известность слово получило благодаря роману Джона Стейнбека «К востоку от Эдема», где оно трактуется как «ты можешь», то есть у человека есть выбор победить грех.

Жильбер Дюран выстраивает свою концепцию на пересечении нескольких интеллектуальных традиций. Он обращается к коллективному бессознательному Карла Густава Юнга, к размышлениям Гастона Башляра о соотношении воображения и рационального мышления, к идее синхронистичности, развивавшейся в диалоге Юнга с физиком Вольфгангом Паули.

Не менее важны для Дюрана *Mundus Imaginalis* Анри Корбена и связанный с восточной философией образ «восьмого климата», особого пространства между чувственным и умопостижимым мирами. К этому добавляются исследования мифа и сакрального пространства Мирчи Элиаде, а также структурная антропология Клода Леви-Стросса.

Соединяя эти направления, Дюран приходит к мысли, что миф не противоположен реальности, а является одним из фундаментальных способов её организации и понимания. Поэтому рациональное он стремится объяснить через структуры мифологического воображения.

С помощью мифоанализа он объясняет рациональное через иррациональное. Миф лишь принимает обличье Логоса. В этом заключается одна из важнейших возможностей метода, интерпретация позволяет обнаружить мифологические структуры, скрытые за внешней рациональностью.

В культуре миф зачастую виден. Но в политике, войнах и разрушении планеты он маскируется, представая борьбой против тьмы и во имя света, который на деле может оказаться ложным. Символ представляет собой видимое выражение невидимой реальности. Он позволяет раскрыть глубинные смыслы, недоступные рациональному анализу. Поэтому символы становятся ключами к пониманию причин нигилизма.

За каждым проявлением Логоса стоят его составляющие. Возьмём, например, изобретение Эдисоном электрической лампы. Если разложить это событие на глубинные элементы, мы обнаружим архетипы, режимы и мифы. В данном случае это дневной режим, борьба с тьмой и стремление к свету.

Но война, убийство и разрушение в современном мире также могут принадлежать дневному режиму. Только здесь происходит **скрытая подмена света**. Вместо встречи со смертью и борьбы за истинный свет мы видим принесение тел в жертву на периферии тьмы.

Архетипы, которые поддерживает общество, становятся частью личности. Те же её стороны, которые общество отвергает, вытесняются и превращаются в «тёмную сторону», вызывая страх и агрессию. Для победы дневному режиму необходимы сила, мужество и устремлённость к цели. Ночному режиму необходимы любовь, эмпатия и гибкость.

Каждый враг, возникающий в жизни человека, воспринимается через определённую архетипическую структуру, основанную на мифе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.